

Сафиуллин Расим Ришатович

аспирант

УВО «Университет управления «ТИСБИ»

г. Казань, Республика Татарстан

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УМНОГО ДОГОВОРА (СМАРТ-КОНТРАКТА): ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

***Аннотация:** в статье исследована актуальная проблематика отсутствия сформулированного законодательного закрепления института смарт-контракта в РФ. В работе проанализированы различные точки зрения по вопросу правовой природы и сущности смарт-контракта как специфической гражданско-правовой конструкции, которая основана на децентрализованных базах данных с целью выработки концепции смарт-контракта в российском гражданском праве.*

***Ключевые слова:** смарт-контракт, договорная конструкция, цифровая среда, форма сделки, способ исполнения обязательств.*

Предметом для исследования правовой сущности смарт-контракта, в том числе по поводу его заключения и исполнения выступают нормативно – правовые акты. Процесс цифровизации оказал влияние на классические договорные обязательства, посредством видоизменения их формы, содержания и способы исполнения. Смарт-контракт, или как его именуют, умный контракт, считается одним из проявлений данного процесса, способное заменить стандартную договорную конструкцию, а также стать главным посредником между правовым миром и миром информационных технологий.

Считается, что американский деятель науки Ник Сабо в 1997 году впервые описал принцип работы смарт контракта как «компьютеризированный транзакционный протокол, который исполняет условия договора». Согласно задумке ученого, смарт-контракты были ориентированы на снижение издержек и погрешностей, связанным с человеческим фактором.

На сегодняшний день можно наблюдать интенсивное развитие рынка электронной торговли и невзирая на большой интерес ученого сообщества к смарт-

контрактам, до сих пор существует большое количество дискуссионных вопросов относительно сущности смарт-контракта как соглашения, формы, способа исполнения, защиты и сферы применения. Подразумеваю, что из-за отсутствия легального [4] определения смарт-контракта в законодательстве РФ имеются разногласия по поводу правовой природы смарт-контракта.

В первый раз смарт-контракт как договор со свойственными ему признаками, к числу которых принадлежит отсутствие посредников, самоисполняемость, прозрачность, автоматизация, безопасность и невозможность изменения условий договора официально был обозначен в октябре 2018 года Центральным банком РФ в Аналитическом обзоре по теме «Смарт-контракты».

Нужно отметить то, что законодательством Российской Федерации все же предпринимались попытки дать определение смарт-контракту, но оно так и не получило свое легальное закрепление. В ныне действующем Федеральном законе от 31 июля 2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в начальной редакции было дано определение смарт-контракта как «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств». Отталкиваясь от указанных положений, авторы считают, что смарт-контракт представляет собой договор и учитывая наличие в его наименовании английского слова «smart» («сообразительный», «умный»), умный договор [1]. При этом А.И. Савельев утверждает, что «смарт-контракт не представляет собой новый тип договора, это скорее особый способ заключения договора и формирования его условий», сравнивая смарт-контракт с такими юридическими конструкциями, как договор присоединения, сделка под условием и договор с обусловленным исполнением обязательства [2].

Исходя из ст. 160 и 434 ГК РФ, где указано, что письменная форма сделки и договора считается соблюденной в случае применения ее сторонами электронных и иных технических средств, ряд авторов имеют мнение о том, что смарт-контракт является разновидностью письменной формы сделки, именуемая электронной. По мнению Л.Г. Ефимовой, представляет собой «качественно новый способ волеизъявления субъектов гражданского оборота», который следует закрепить в специальной статье ГК РФ (ст. 160.1 «Электронная форма сделки»), согласно которой сделка совершается совершенной в такой форме, если воля ее сторон выражена в форме электронного документа, представляющего собой совокупность реквизитов с информацией о форме цифрового кода [3].

Вопросом для обсуждения также остается и субъектный состав смарт-контрактов, как проконтролировать субъектный состав сделки. Ведь известно, что, например, в соответствии с п. 1 ст. 30 ГК РФ ограниченный в дееспособности гражданин может совершать сделки только с согласия попечителя или п. 2 ст. 29 ГК РФ гласит, что от имени гражданина, признанным недееспособным, сделки совершает его опекун. Анонимность сторон в договоре не позволяет четко проконтролировать эти моменты.

Существует проблема по поводу правового воздействия на смарт-контракты, касающаяся механизмов их оспаривания в судебном порядке. гражданского права, использоваться для защиты прав и законных интересов субъектов таких отношений.

Если допустить возможность их оспаривания на тех же основаниях, что и для договоров в электронной форме, то неминуемо можно столкнуться с отсутствием реальных рычагов понуждения к исполнению контракта и механизмов реституции по смарт-контрактам. Некоторые исследователи, в связи с этим говорят о «токенизации» права (когда наличие права определяется технологией, а не наоборот).

Как мы видим, сегодня в цивилистической доктрине не имеется однозначной позиции по поводу правовой природы смарт-контракта, и это не случайно,

поскольку изначально он возник в технической сфере, – сначала появилась система «блокчейн», а вместе с ней смарт-контракт и криптовалюта, являющиеся продуктами технологий, а не права. Последнее не может не учитывать эту особенность при регламентации цифровых продуктов в рамках существующего нормативного пространства. В настоящее время нормы ГК РФ могут использоваться лишь для составления, заключения и исполнения смарт-контрактов. Использование правовой аналитики в качестве методологической основы юридической науки позволяет выявлять особенности заключения таких договоров, правовые риски, реализации смарт-контрактов [5–6]. В этом смысле, в научных исследованиях важным становится использование общенаучных методов. Для полного же раскрытия их потенциала необходимо принятие самостоятельного закона, специально ориентированного на заключение и реализацию «умного договора» и конкретизацию общих положений ГК РФ. На основании проведенного комплексного анализа позиций различных авторов, базирующихся на ныне действующих нормах гражданского законодательства сделан вывод о том, что точку в указанном споре стоит принять специальный федеральный закон, который бы детализировал общие положения Гражданского кодекса РФ применительно к смарт-контракту, его условиям и порядку заключения. Основу научного исследования составляют общенаучные методы, такие как методы системного и функционального анализа и синтеза, а также специальные методы, в частности сравнительно-правовой и историко-правовой анализ для решения изучаемой в данной статье проблемы.

Подводя итог, можно прийти к следующим взаимосвязанным заключениям. Смарт-контракт в первую очередь как технологический продукт обладает сложной и неоднозначной правовой природой, позволяющей представить его одновременно и как разновидность договора, и как отдельную форму сделки, и как способ исполнения обязательства. Субъектный состав, форма и содержание смарт-контракта опосредованы областью его применения: он не заменяет традиционный гражданско-правовой договор, в большей степени он выступает в качестве способа исполнения обязательства или особой разновидностью письменной

формы сделки – электронной. Окончательную точку в этом споре может поставить появление специального нормативного акта уровня федерального закона, в котором следует закрепить понятие смарт- контракта, определить его условия и порядок заключения.

Список литературы

1. Кванина В.В. Детерминация смарт-контракта в гражданском обороте / В.В. Кванина, Н.Е. Савенко // Юридическая наука и практика. – 2022. – №1. – С. 22–28.
2. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: учебное пособие / А.И. Савельев. – М.: Статут, 2020. – 920 с.
3. Ефимова Л.Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики / Л.Г. Ефимова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – №8. – С. 52–62. DOI 10.17803/1994-1471.2021.129.8.052-062. EDN VWFQTW
4. Сайфуллин А.И. Законность - понятие, подходы, пути развития: общетеоретические аспекты / А.И. Сайфуллин // Образование и право. – 2020. – №4. – С. 55–58. – DOI 10.24411/2076–1503–2020–10407. – EDN QWIJSH.
5. Степаненко Р.Ф. Правовая аналитика как методологическая основа юриспруденции: общетеоретический аспект / Р.Ф. Степаненко, Л.Т. Бакулина // Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы: монография. – М.: Проспект, 2022. – С. 251–262. – EDN WAMFOD.
6. Степаненко Р.Ф. Риски договорного правового регулирования: современные проблемы общей теории права / Р.Ф. Степаненко, Л.Т. Бакулина // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы Ежегодной научно-практической конференции с международным участием (Казань, 07 декабря 2018 г.). – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2018. – С. 208–212. – EDN GDLLPK.